

SERGEI BARINOV

RAMENSKOE, RUSSIA

A WORLD WHERE ANYTHING IS POSSIBLE...

Dedicated to the twentieth anniversary of the fall of the Berlin Wall

REMEMBERING HOW IT BEGAN...

I was one-and-a-half years old when the Berlin Wall came down. But my earliest clear memories are when I was between two and a half and three and a half. In other words, the world of the Cold War and the Iron Curtain, a world which had ceased existing in the autumn of 1989, made no impression on my consciousness. I don't recall the smell of it. Or its songs. I don't remember what the sunsets were like in that world.

The war in Afghanistan and the Cuban Missile Crisis did not figure in my world. Neither did rationing nor queues. There was no arms race, and spectres of the American secret services did not lurk behind every bush. For many years the chief "security man" was Dmitry Kharatyan in the unfading "Deribasovskaya Street".¹

My world was shaped to the gentle whistling of "Wind of Changes" (1990), the "Solidarity" marches and the inauguration of Wałęsa (1989), the adoption of the "Law on Elections of People's Deputies of the USSR" (1988) and the ratification of the START-2 Treaty (1993).

My world had many hopes. And a lot of faith. At first we believed in the West. Then in democracy. Then the "liberal dream". Then federalism. Many simply believed in God – some sincerely, some out of fear, some out of a feeling of newly-awoken historical memory.

THROWING OFF THE SHACKLES

Then everything suddenly changed. People previously known as democrats were labelled blabber mouths. Or sometimes dregs. Those who had been building "the liberal dream" were accused of thieving, or corruption, or destroying the army. The word "sovereignty" was replaced by a new idol: the concept of "verticality", soiled with the soot and the blood of

the "Lame Horse".* Instead of the impossible, unthinkable "Russia will not go to war!" came the usual: "We'll finish them off in the toilets".**

It suddenly turned out that the people who had come to extract petroleum from the continental shelf, which Russian oilmen had been unable to reach with their Brezhnev-era equipment, were thieves and scoundrels. It pained me to watch a nearly fully-fledged Russian government committing outrages which, a hundred years earlier, would not even have occurred to Tsar Nicholas II, who you would have thought was much less versed in matters of economics than my contemporaries. In the Caucasus the Russian Empire had for many years put up with the English, because the authorities understood that the technology and the investments brought by the "damned infidels" were vital to the Empire.

What else did my world believe in? It believed in change. That was, if you like, our world's most fervently-held belief: "Changes".² We had waited so long for change, we wanted it so passionately, that at a certain point we stopped paying attention to the trends and essential nature of the changes that were happening – change for its own sake! This flywheel was coming loose and going out of control... ultimately it fell off its axle and flew out beyond the confines of our understanding. And then, obeying the law of the boomerang, it came back and hit us on the cranium.

This was no atom bomb. Or hydrogen bomb. Or neutron bomb. It was worse than napalm and carpet bombing, worse than atypical pneumonia and swine flu. It was as if some kind of new virus, unidentified by any equipment, had penetrated the hearts of the people who lived in my world. People who previously would go to the barricades or vote at elections. People who grudgingly watched prices going up and soldiers dying in Chechnya, but nevertheless continued

¹ "On Deribasovskaya Street There's Good Weather or It's Raining in Brighton Beach". Film by Leonid Gaidai (1992).

² "[We're waiting for] Changes". Song by Viktor Tsoi (1986).

* The "Lame Horse" was a night-club in the city of Perm. It burned down on 5 December, 2009, in a fire allegedly caused by people igniting fireworks. There were 150 fatalities. [Translator's note]

** Phrase used by Vladimir Putin, 24 September 1999, referring to settling scores with Chechen "bandits". [Translator's note]

believing, yearning, being involved... Now all those have been, as it were, replaced. Convinced communists and right-wing radicals, destitute miners and successful young business people have all coalesced in a shared impulse of spineless apathy. The wave of popular anger which for a short while boiled up against Chechen fighters in 1999 then transmuted itself into universal “approval” of the change of regime, and subsided. People retreated into deep apathy about everything that was taking place.

A PEACEFUL SKY ABOVE THE RUINS OF THE IRON CURTAIN

My world also believed in PEACE. In the Cold War period the Soviet Union had taken part in over twenty open military conflicts.³ For forty-five years (from 1945 to 1991) the weapons of the “world’s most peaceful nation” had been in action in every part of the globe except Australia and Antarctica. Soviet military units were stationed in Cuba and Hungary, Algeria and China. Our soldiers were in combat in Afghanistan and Ethiopia, in Egypt and Vietnam. Nowadays these things are spoken of with something like pride. But in my world people were not proud of such things. We preferred not to mention them.

Russia had had to go to war at the very outset of the most recent chapter of its history. Nagorno Karabakh, South Ossetia, the Trans-Dniester region, Abkhazia, then Chechnya... The collapse of a multi-national state, which had taken many by surprise, had provoked a wave of extremist movements in ethnically disputed regions and exposed concealed grudges and unresolved conflicts.

If the world had stayed as it was, everything could have been different. A confident Soviet military machine would have drowned Karabakh in blood; would have threatened Georgia with its missiles and forced it to recognise the independence of Abkhazia and South Ossetia (a familiar theme, isn't it?), and made Moldova recognise the Trans-Dniester republic.

But the world had changed, back in 1989. Our previous devout confidence in the incontrovertible rightness of the might of Russia has been replaced by a hunger for peace and tranquillity. The fatigue felt by the two generations born during the Cold War, a fatigue caused by being on edge twenty-four hours a day and by daily improvements to the machinery for running down to bomb-shelters, has fallen off our shoulders like a boulder that has buried underneath itself the pent-up nuclear potential of a former super-power. Buried it for ever, or so we thought at the time...

A WORLD WE HAVE LOST?

Why have we not managed to hold on to those dreams? Did we tire of change and upheaval? Did we want order and certainty? Or did the cap simply not fit?

One would like to believe that we simply got tired. We were little boys writing our first poems when the ricochets of the world’s crises, and its protracted political decay, brought the young Russian democracy to a state ripe for a heart attack. We saw the lost expressions on the faces of our parents. Some, who in '91 had marched with the tanks, were incredulous: “What, then, were we fighting for?!”. Others, who had opposed the “capitalist infection” with all their strength, were equally incredulous: democracy really seemed to have gone off the rails, and nobody had any idea what was to be done with it.

No follower is more grateful or more accessible than a crowd in panic. Give it an external target, an enemy outside, a reason for uniting – and it will follow you to the edge of the world. Our parents were led, and then there came the period of post-financial crisis euphoria, when it was difficult to find anyone in Russia who sincerely believed that we were heading in the wrong direction. In some ways that resembled the beginning of my world, but... the recoil was completely different.

The fall of the Berlin Wall unleashed such a wave of energy, searching and creativity that people took fright at the upsurge, even, it seems, the people who embodied it. But I do not believe, cannot believe that this energy has dissipated. Even if those who dismantled the Wall, or signed START-2, are unable to climb up onto the barricades, the world of the past cannot come back. Too much has changed in those twenty years. We have passed the point of no return. A whole generation has grown up for whom the notion of the Cold War is no longer an axiom received with mothers’ milk, but a kind of feverish babble that cannot exist in a healthy society. If you were to offer us a new Iron Curtain today, the storm would repeat itself. Its seeds have been sown in our hearts by those who, twenty years ago, climbed up onto the Wall beside the Brandenburg Gate. Sown by the music of Bach, whose suites were played by Mstislav Rostropovich beside the ruins of the Wall in the sunshine on the 11th of November 1989.

By feasting on live music. We shall. Live.

 azazel-rus@mail.ru

³ <http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter6.html>

СЕРГЕЙ БАРИНОВ РАМЕНСКОЕ (РОССИЯ)

МИР, ГДЕ ВОЗМОЖНО ВСЕ...

(Посвящается двадцатой годовщине падения Берлинской стены)

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...

Когда пала Берлинская стена, мне было 1,5 года. Мои первые отчетливые воспоминания находятся в промежутке между 2,5 и 3,5 годами. Иначе говоря, мир холодной войны и железного занавеса, мир, который перестал существовать осенью 1989-го, в моем сознании не отпечатался. Я не помню его запаха. Его песен. Не помню, какие в том мире были закаты.

В моем мире не было Афгана и Карибского кризиса. Не было талонов и очередей. Не было гонки вооружений и призраков американских спецслужб за каждым кустом. А главным «гэбистом» долгие годы были Дмитрий Харатьян в неувядающей «Дерибасовской»¹.

Мой мир рождался под мягкое насвистывание «Wind of changes» (1990). Под марши «Солидарности» и инаугурацию Валенсы (1989). Под принятие закона «О выборах народных депутатов СССР» (1988) и ратификацию Договора СНВ 2 (1993).

В моем мире было много надежд. И много веры. Сначала верили в Запад. Потом в демократию. Потом в «либеральную мечту». Потом в федерализм. А многие просто верили в Бога. Кто-то искренне, кто-то – от страха, кто-то – из чувства проснувшейся исторической памяти.

СБРОШЕННЫЕ ВЕРИГИ

А потом вдруг все изменилось. Тех, кого раньше называли демократами, стали называть болтунами. А то и подонками. Тех, кто строил «либеральную мечту», обвинили в воровстве, коррупции, развале армии. Вместо слова «суверенитет» тотемным стало понятие «вертикали», перепачканное сажой и кровью «Хромой лошади». А на место невозможного, немислимого в российской истории «Россия воевать не будет!» – вернулось привычное «В сортире замочим».

Те, кто раньше приходил к нам добывать нефть на шельфе, недоступным российским буровикам с их технологиями позднебрежневских времен, вдруг оказались

ворами и прохвостами. И я с болью наблюдал, как новая и уже достаточно оперившаяся российская власть творит бесчинства, которые сто лет назад в голову не могли прийти императору Николаю II – казалось бы, гораздо менее искушенному в вопросах экономики, чем мои современники. Власти Российской Империи годами терпели на Кавказе англичан, понимая, что технологии и инвестиции «проклятых басурман» стране жизненно необходимы.

Во что еще верил мой мир? Он верил в перемены. И это, пожалуй, была самая истовая вера этого мира: «Перемен!»² Их так заждались, их так страстно желали, что в какой-то момент перестали обращать внимание на направление и суть этих самых перемен – лишь бы все менялось! Этот маховик раскручивался, становился неуправляемым... и в конце концов сорвался с оси, вылетел куда-то за пределы понимания. А потом в строгом соответствии с законом бумеранга ударил по темечку.

Это была не атомная бомба. Не водородная. И даже не нейтронная. Это было хуже напалма и ковровых бомбардировок, хуже атипичной пневмонии и свиного гриппа. Слово какой-то новый вирус, не идентифицируемый ни одним прибором, проник в самое сердце тех, кто населял мой мир. Тех, кто до этого шел на баррикады и голосовал на выборах. Тех, кто скрепя сердце следил за ростом цен и гибелью солдат в Чечне – и все-таки продолжал верить, хотеть, делать... Теперь их всех как будто подменили. Убеденные коммунисты и правые радикалы, обездоленные шахтеры и удачливые молодые бизнесмены – все слились в едином порыве какой-то безвольной апатии. На короткий миг волна народного гнева вскипела против чеченских боевиков в 1999-м – и, трансформировавшись в дружный «одобрямс» сменившейся власти, спала. Люди ушли обратно в глухую апатию по отношению ко всему происходящему.

¹ «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди» – фильм Леонида Гайдая (1992).

² «Хочу перемен» – песня Виктора Цоя (1986).

МИРНОЕ НЕБО НАД ПРАХОМ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА

Еще мой мир верил в МИР. Советский Союз в период «холодной войны» принимал участие более чем в двадцати открытых военных конфликтах³. За сорок пять лет (с 1946 по 1991) оружие «самой миролюбивой нации в мире» успело прогреметь во всех частях света, кроме Австралии и Антарктиды. Советские военные части стояли на Кубе и в Венгрии, в Алжире и Китае. Наши солдаты сражались в Афганистане и Эфиопии, в Египте и Вьетнаме. Сейчас об этом говорят едва ли не с гордостью. Но в моем мире такими вещами не гордились. Предпочитали не вспоминать.

России тоже пришлось воевать, с самого начала своей новейшей истории. Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Абхазия, потом Чечня... Распад многонационального государства, неожиданный для многих, спровоцировал волну экстремистских движений в этнически спорных районах, обнажив скрытые обиды и нерешенные противоречия.

Останься мир тогда прежним, все могло быть и по-другому. Уверенная в себе советская военная машина утопила бы в крови Карабах; пригрозив ракетами, заставила бы грузин признать независимость Абхазии и Южной Осетии (знакомый сюжет, не правда ли?), а молдаван – Приднестровскую республику.

Но мир изменился тогда, в 1989-м. На смену прежней святой уверенности в непобедимой правоте отечественного оружия пришла жажда мира и спокойствия. Усталость двух поколений, рожденных в годы холодной войны, – усталость от круглосуточно натянутых нервов и от ежедневных отработок техники добегающего до бомбоубежищ – свалилась с плеч таким пудовым камнем, что погребла под собой весь нерастроченный ядерный потенциал бывшей сверхдержавы. Как нам тогда казалось – погребла навсегда...

МИР, КОТОРЫЙ МЫ... ПОТЕРЯЛИ?

Почему мы не сумели сберечь все эти мечты? Устали от перемен и потрясений? Захотели порядка и определенности? Или не по Сеньке оказалась шапка?

Хочется верить, что все-таки просто устали. Мы были мальчишками, писавшими свои первые стихи, когда рикошеты мировых кризисов и длительный внутривластный распад довел молодую российскую демократию до предынфарктного состояния. Мы видели потерянные лица наших родителей. Одни, шедшие в

девяносто первом под танки, недоумевали: «За что же мы боролась?!» Другие, всеми силами сопротивлявшиеся «капиталистической заразе», недоумевали не меньше первых: демократия вроде бы действительно сдулась, а что теперь с ней делать – непонятно.

Нет более благодарного и доступного последователя, чем растерянная толпа. Дай ей внешнюю цель, внешнего врага, мотив для объединения – и она пойдет за тобой на край света. Наших родителей повели, и было светлое время постдефолтной эйфории, когда в стране сложно было найти человека, искренне убежденного, что эта страна идет не туда. Чем-то это было похоже на начало моего мира, но... откат получился совсем другой.

Падение Берлинской стены детонировало такой всплеск энергии поиска и созидания, что этой освободившейся волны испугались, похоже, сами ее носители. Но я не верю, не могу поверить в то, что сама волна затухла. Даже если те, кто ломал Стену, кто подписывал, не смогут снова встать на баррикады – прошлый мир уже не вернется. Слишком много изменилось за эти двадцать лет. Пройдена точка невозврата. Выросло целое поколение ребят, для которых само понятие «холодной войны» – не впитанная с молоком матери аксиома, а горячечный бред, невозможный в здоровом обществе. Предложите нам сегодня новый «железный занавес» – и буря повторится снова. Ее зерна посеяны в наших сердцах теми, кто двадцать лет назад взобрался на стену у Бранденбургских ворот. Посеяны музыкой Баха, сюиты которого играл Мстислав Ростропович у поверженной Стены солнечным днем 11-го ноября 1989 года.

Глотком живой музыки. Будем. Жить.

azazel-rus@mail.ru

³ <http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter6.html>